

Источник: Лев Лунц; "Родина" и другие произведения.

Серия: "Память", Израиль, 1981.

OCR и правка: Александр Белоусенко (belousenko\$yahoo.com), 20 апреля 2004.

Библиотека Александра Белоусенко -- http://www.belousenko.com/wr_Lunts.htm

Составление, послесловие и примечания - М. Вайнштейна.

3 января 1922 г. Ночью.

...Сегодняшний день я считаю великим днем, ибо сегодня меня осенила мысль, каковая должна прославить мое имя и заслужить мне вечную благодарность со стороны благодарных потомков.

Встал я в восемь часов утра. Но здесь должен сделать небольшое отступление и указать, что ночью я спал плохо, ибо со вчерашнего дня находился под влиянием горячей речи начальника и всю ночь думал о новых началах. Возвращаясь к нити своего изложения, спешу отметить, что, вставши поутру, я продолжал думать о новых началах.

На службу я пришел ровно в десять часов. К величайшему своему негодованию я обнаружил, что никого из служащих на местах нет. Дабы удостовериться в правильности своего негодования, я прочел приказ начальника Политпросвета от 7 сентября, в каковом сказано, что работа в Политпросвете строится на новых началах (это не те новые начала, о которых говорилось вчера, а старые), и что поэтому каждый сотрудник должен являться на службу ровно в десять часов. Тех же, кто опоздает, надлежит отправлять в Дворец Труда, как дезертиров означенного труда. Приказ этот я, как Заведующий Канцелярией, счел своим долгом прочесть каждому опоздавшему, причем все отвечали, что они уже знают его наизусть. Если же они знают его наизусть, то почему они опаздывают?

Весь день прошел у меня в неприятностях. Так, я обнаружил непорядок у журналистки, заключающийся в том, что бумаги распределены у нее не по 43, а по 42 регистраторам. Но главное огорчение ждало меня в двадцать пять минут четвертого, именно: клубный инструктор Баринов явился в канцелярию без особого дела, несмотря на то, что на дверях висит объявление: "Без особого дела не входить", и, явившись без особого дела, стал разговаривать с машинисткой, чем мешал ее работе. Когда же я начал доказывать ему, что такое поведение недостойно коммуниста, он ответил мне, чтобы я пошел к чорту, и что он знает коммунистический долг лучше, чем я, ибо я -- канцелярская крыса. На это я ответил ему, что я честный пролетарский рабочий. На это он ответил мне, что какой чорт ты пролетарский рабочий, если двадцать лет служил делопроизводителем в Сенате. Тогда я отошел к своему столу и начал писать рапорт Начальнику Политпросвета.

И вот тут-то меня и осенила великая мысль. Именно: мы предполагаем произвести коренную реконструкцию нашего Политпросвета. Но как перестраивать, если все учреждение состоит из несознательного элемента? Следовательно, перестраивать нельзя, но перестраивать нужно, ибо такова логика революционной жизни. Следовательно, перестроить на новых началах необходимо самих служащих, иными словами -- граждан. Таков замечательный вывод, к которому пришла цепь моих рассуждений. Я сразу понял всю глубину сделанного мною открытия. В сильном волнении отложил я в сторону рапорт и пытался заняться текущей работой, но не мог.

4 января. Утром.

Ночью спал плохо. Решил подать докладную записку Совнаркому, ибо считаю, что реконструкцию граждан на новых началах следует производить в общегосударственном масштабе.

5 января. Утром.

Ночью спал плохо. Решил, что перестройку следует производить в мировом, иными словами, в космическом масштабе.